

Хуа Циуе имел в виду, что между ней и ним была неприязнь?

Но у него действительно не было никаких отношений с Хуа Циуе, почему она его подставила? И когда Чжоу Чжичэн понял это, он грустно улыбнулся: "Принцесса Цзинхуа, я никогда не ожидал, что вы придете ко мне, и теперь я умру с удовольствием".

Хуа Цюйюэ улыбнулся неодобрительно, как легкий ветерок, холодный как лед: "Чжоу Чжичжэн, разве ты не понимаешь, что все меняется с тех пор, как принцесса встретила с тобой через меня? Конечно, ты не будешь смотреть на женщину, которой восхищаешься, но, к сожалению, я хочу сказать тебе, что..."

"Я... Ронг Цюэ, есть разница только в одном слове, но я - это она." Хуа Цюйюэ холодно посмотрела на Чжоу Чжичэна и успешно нашла шокирующее выражение его лица.

"О чем ты говоришь? Принцесса Цзинхуа, тебе очень нравится шутить!" Несмотря на то, что он был умирающим человеком, Чжоу Чжичэн до сих пор не верил в теорию о том, что человека может преследовать призрачный дух.

Хуа Цюйюэ аккуратно закатала клочок черных волос на груди, что было самым частым действием, которое происходило, когда Чжоу Чжичэн и она целовалась.

Увидев это, выражение лица Чжоу Чжичэна немного изменилось.

О сексе между мужчинами и женщинами, конечно же, не говорили другим. Но Жун Цюйюэ раньше не имел никакого отношения к Хуа Цюэ, почему Хуа Цюэ так себя вела?

И даже близкая служанка Ронг Цюйюэ понятия не имела об этом, как Хуа Цюйюэ узнала об этом?

"Принцесса Джингхуа... пожалуйста... пожалуйста, не шути со мной!" Чжоу Чжичэн только почувствовал, что гусиная кожа сразу же прошла по его телу. В конце концов, это он согласился с тем, что принцесса Хуэйчжэнь может убить Жун Цюэ.

Хуа Цюйюэ улыбнулась своими красивыми глазами, пронизанными сияющим светом: "Не имеет значения, верите вы в это или нет". Важно то. Я чувствую облегчение, когда вижу твою ситуацию. А Чжоу Чжичэн, ты знаешь, кто такая госпожа Ван?"

Чжоу Чжичэн внезапно растерялся. Именно из-за Ван Юя принцесса Хуэйчжэнь так безумно к нему относилась. Он был похож на птицу без свободы, и поэтому ему пришло в голову отравить принцессу Хуэйчжэнь и обезобразить ее.

После того, как он был обезобразен, принцесса Хуэйчжэнь толкнул его жениться на ней, и он начал решать, чтобы убить принцессу.

Тем не менее, Хуа Цюэ должен знать, что это было из-за Ван Юя, что он порвал с принцессой Хуэйчжэнь.

"Ты... кто ты? Что еще ты знаешь?"

Чжоу Чжичжэн посмотрел на Хуа Цюэ испугавшись, но Хуа Цюэ всё равно нежно улыбнулся: "Ты теперь умираешь, и чего ты боишься?"

Хуа Цицюэ посмотрела на Чжоу Чжичэна вверх и вниз, медленно доставая заколку феникса из рукава. У феникса, вырезанного на заколке, была пара глаз, состоявших из первоклассного белого нефрита и сиявших гладким и влажным блеском. А хвост Феникса был закручен пучками тонкой золотой проволоки, что делало его таким характерным.

У Чжоу Чжичэна были поп-глаза. Это был любовный подарок, который он послал Ронг Цюэ. Шпилька Феникса стала предметом захоронения после смерти Жун Цюэ. Но теперь она принадлежала Хуа Цюэ, как это возможно?

В прошлый раз император попросил кого-нибудь открыть гроб в поисках очевидного. Если бы гроб был вскрыт, то это должно было быть известно императору, и принцесса Хуэйчжэнь была бы признана невиновной. Таким образом, Хуа Цюэ имела такую заколку Феникса, не открыв гроб!

"Childe Zhou, вы помните эту шпильку Феникса с золотым проводом и нефритовыми глазами? Я попросил других сделать это согласно рисунку. Конечно, рисунок был нарисован на основе моей памяти... О, я забыл сказать, что Ван Ю была назначена принцессой Хуилинь. И принцесса Хуилинг очень умна и получила от меня совет". Хуа Цюэ спокойно улыбнулась, и ее прекрасные глаза были похожи на полумесяц, сияющий холодным светом.

Каким-то образом, Чжоу Чжичэн только чувствовал себя охлажденным по всему телу и дрожал, чтобы держать плечи, глядя на Хуа Цюэ в страхе, не сказав ни слова.

Хуа Цюэ вздохнул: "Мне очень нравится эта заколка". Несмотря на то, что предмет все еще там, человек изменился, какая жалость! Чжоу Чжичэн, знаете ли, чтобы быть казненным пятью лошадьми, должно быть очень больно, не так ли? Больно, больно, глубокий костный мозг..."

Лицо Чжоу Чжичжэна побледнело, и он почувствовал, что его горло, кажется, заблокировано хлопком: "Вы... вы спровоцировали принцессу Хуилинь, чтобы она назначила госпожу Ван, чтобы иметь дело со мной"?

"Такое ощущение боли было похоже на то, когда Ронг Цюэ выкололи глаза, когда она была обезображена... вы никогда не захотите вспоминать об этом, как только почувствуете это". Чжоу Чжичэн, успокойся, я позабочусь о Тяньчи, и он будет прекрасным и привлекательным,

как и когда он был новорожденным". Хуа Цюйюэ улыбнулась, она спокойно улыбнулась тому, кто шел к ней под ключ, и ушла по легким следам.

Этот ключ хотел напомнить Хуа Цюйюэ, что пора уходить, но он увидел, что она знает, что делать, поэтому он встал в сторону, только для того, чтобы увидеть, как Чжоу Чжичжэн дрожит в камере, его лицо бледнеет и белоснежно. Чжоу Чжичжэн медленно встал на колени, и он истерически заплакал: "Жун Цюэ".

Под ключ холодно фыркнул: "Хватит плакать! Она мертва, но ты можешь сделать ее живой?"

Хуа Цюйюэ остановился, и сзади раздался звук сожаления Чжоу Чжичжэна: "Цюйюэ, пожалуйста, прости меня...". Я все еще люблю тебя... в конце концов, я отец Тяньчи... пожалуйста, найди способ вытащить меня отсюда, я заплачу за твою доброту, я буду любить тебя..."

Рот Хуа Цюйюэ слегка изогнулся в улыбке, и она пошла быстрее, только чтобы услышать, что рычание сзади становится неясным.

В мире больше не было бы Ронг Цицюэ, а была бы только Хуа Цицюэ.

Это жалкое воспоминание станет бриллиантом прошлого, который будет напоминать ей о том, что она никогда не должна с готовностью верить в других все время. Этот опыт оставил бы в реке ее память, и свет, который она сияла, был холодным.

На седьмой день Чжоу Чжичжэна сопроводили к месту казни, и он не видел Хуа Цюэ в толпе. Но он всю дорогу выкрикивал имя Хуа Цицюэ, что заставило толпу поверить в то, что он раскаивается в содеянном, и они почувствовали презрение и жалость к нему.

А ресторан "Донг Хай" был закрыт. Но было сказано, что таинственный человек вел переговоры о сделке ресторана с госпожой Чжоу.

В этот день с 7 утра до 9 утра Хуа Цюйюэ все еще культивировала себя в Загадочном мире. Продвинуться по службе после великой полноты "Парящего облака" было бы относительно сложно, и это было в несколько раз труднее, чем в прошлом.

Когда она открыла глаза, она увидела любопытные глаза Тяньпи.

"На что ты смотришь? Глядя на симпатичную леди?"

Хуа Цюйюэ подняла брови, и она все больше и больше понимала, что Тяньпи был очень загадочным, и каждый раз, когда он смотрел на нее так.

"Ну, я смотрю на злую женщину".

"Если я злая женщина, то мой учитель должен быть злым человеком. Злой хозяин, у тебя должно быть что-то, что ты можешь мне рассказать." Хуа Цюйю улыбнулась, встала и растянулась. Она провела здесь всю ночь, и казалось, что Тяньчи будет искать ее и снова волноваться.

"Я в замешательстве, почему вы подставили Хуа Цюйюэ, потому что она не обиделась на вас? Пусть императрица разочаруется в принцессе Уильям?"

Черные глаза Тяньпи, похожие на джади, сияли любопытным светом.

Хуа Цюйюэ сделал паузу, глядя на ясное и голубое небо: "Почему? Потому что теперь, когда я вижу принцессу Уильям, я, кажется, вижу прошлую принцессу Хуэйчжэнь". Она никогда меня не отпустит, но... Я буду постоянно бороться против нее".

Тяньпи притворился шокированным и ударил его по груди: "Какая же ты злая и хитрая женщина! Будет только один конец, чтобы быть твоим противником, и это смерть!"

Хуа Цюйюэ холодно улыбнулся: "Я буду вежлив с другими, если они будут вежливы со мной. И я отниму у неё жизнь, если она захочет мою!"

Тяньпи моргнул глазами: "Точно, точно, мне нравится женщина личности. Хороший ученик, не забудь принести мне жареного цыпленка или что-нибудь в этом роде сегодня вечером!"

Хуа Цюйюэ засмеялся: "Хорошо, но... хозяин, у меня есть условие, я хочу знать твою историю".

Она должна понять, что такие таинственные люди, как Тяньпи, были врагами или друзьями.

Но неожиданно Тяньпи улыбнулась: "Мой ученик, хотя на континенте Тяньюань есть несколько старших Художников Ци, все еще существуют некоторые жуткие Художники Ци". Так что иди и купи мне немного вина и мяса, иначе... Я могу пройти через твой Ци-май, но я также могу сломать твой Ци-май". (Ци Май в китайской медицине означает кровоток и пульс.)

Тяньпи звучал как шутка, но в его глазах не было чувства улыбки.

Хуа Цюйюэ была шокирована, и она поняла, что этот злой человек не может с ней шутить.

У Хуа Цюйюэ не было возможности, это была ее вина, что она менее выдающаяся, чем этот человек. Значит, то, что она получила, было нематериальным контролем.

"Ладно, я сдаюсь. Я должен выбраться отсюда, чтобы увидеть моего хорошего сына!" Хуа Цюю пожала плечами. И при мысли об этом она покинула таинственный мир.

Возвращаясь в комнату, Хуа Цюю услышала смех Льва Синь со двора. И она почувствовала себя немного странно, потому что редко слышала такой смех Lv Xin и Youshui, так как они были относительно скучающими девушками.

Хуа Цюю вышла из зала и пришла на землю во дворе. Под баньяном, кроме Long Red, она увидела, что Каининг и Цайцин обучали Тяньчи мастерству владения мечами.

На континенте Тяньюань, несмотря на то, что фехтование снизилось, некоторые Ци Хуа Цюэ все еще использовали мечи, чтобы эффективно уменьшить истощение энергии анима и продлить время боя.

Таким образом, фехтование обладало как полезностью, так и бесперспективностью.

Только генералы Ци-художники использовали мечи. Что касается Каининга и Цайцина, их Ци-художники были выше средней стадии "Парящего Облака", но они не достигли великой полноты.

Тяньчи быстро бросился к Хуа Цююэ, когда увидел, как она выходит, и обнял ее на две ноги своими большими глазами, моргая. И он указал на деревянный меч, который он бросил на землю и взволнованно размахивал своими маленькими ручками.

"О, Тианчи учится мастерству владения мечом, здорово, здорово!" Хуа Цюю нежно присел на корточки и обнял его.

Глаза Тианчи были яркими и сияющими.

Хуа Цююэ подняла глаза и посмотрела на близнецов, Каининга и Цайцина. Они очень похожи друг на друга, как будто их вырезали по одной и той же плесени, что сбilo ее с толку.

Хуа Цююэ увидела над их глазами клочок презрительного света.

Хотя Каининг и Цайцин были назначены Императором для защиты Хуа Цююэ, на самом деле, они были посланы для защиты этих Длинных Красных.

На самом деле, на континенте Тяньюань было не так много Ци-художников, которые могли бы достичь средней стадии Парящего Облака. И в их глазах мнение, что мужчины превосходят женщин, никогда не менялось. Более того, это были Ци-художники, которые сами по себе смотрели свысока на "неудачника" Хуа Цюэ.

Хуа Цюйюэ мягко подняла брови, а Юйшуй и Льва Синь смотрели друг на друга, внутренне переживая за Каининга и Цайцина.

"Тяньчи, когда у меня будет время, я научу тебя искусству Ци, это нормально?" Хуа Цюйюэ мягко сказала, что в её глазах сияет сложный свет.

Тианчи кивнул головой, как будто стучал чесноком.

Каининг и Кайцин посмотрели друг другу в глаза, и над их глазами пронесся еще один холодный сарказм. Они оба были молоды и агрессивны, и их позабавило доверие Хуа Цюйюэ.

"Ты, неудачник, научи его искусству Ци, как ты можешь научить его искусству Ци?"

Каининг хладнокровно смеялся. Он сложил руки на груди, не уважая Хуа Цюйюэ.

Цайцин также саркастически покачал головой: "Мой младший брат, почему ты насмеялся над этой амбициозной женщиной? Она неудачница. И мы будем твоими стражами не ради волшебного лекарства".

Услышав их сарказм, Льва Синь и Юйшуй разозлились, но они побоялись прервать их после того, как Хуа Цюйюэ на них посмотрел, только чтобы нервно посмотреть на то, что здесь происходит.

<http://tl.rulate.ru/book/22370/897474>